

ТЕНЬ, КОТОРУЮ ВСЕ БОЯЛИСЬ

Lisia

Lisia Lisia

Тень, которую все боялись

<https://litres.ru/74372682>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна — психолог. У неё привычка спасать людей. Однажды дождливым вечером она пожелала спасти даже героиню книги — злодейку Элиану

Вальдхорн, которой по сюжету суждена казнь на площади. И проснулась в её теле.

Теперь у Анны шесть месяцев до казни. Она знает сюжет наизусть:

кто предаст, кто улыбнётся, кто вынесет приговор. Но книга не предупредила о главном — о том, что злодейку сделали монстром,

о том, что девушка, которая должна стать её палачом, сама жертва,

и о том, что пятеро мужчин начнут смотреть на новую Элиану глазами,

которых оригинал не видел никогда.

Анна не будет играть по сценарию. Но тот, кто дёргает за нити, уже заметил: злодейка ведёт себя иначе.

Тёмное фэнтези о травле, исцелении и о том, что монстрами не

рождаются — монстрами делают. И что разделить можно
обратно.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Lisia

Тень, которую все боялись

Глава 1

Пробуждение в чужой теле

«Мы создаём монстров не из злобы, а из боли. И единственный способ победить тьму — не уничтожить её, а признать, что она когда-то была светом, который сломали»

Первое, что я почувствовала, был холод. Не тот, на который ворчишь по дороге на работу, а основательный, глубокий, такой пробирается под кожу и устраивается там навсегда, как будто платит за постой.

Я не сразу открыла глаза. Сначала просто лежала и слушала: где-то тихо позвякивало стекло, ветер возился с занавесками, в камине один раз и очень вежливо треснул уголёк, как стучатся чужие люди. Пахло воском, холодным камнем и ещё лавандой, совсем чуть-чуть. В моей квартире так не пахнет. В моей квартире пахнет растворимым кофе и табаком соседа по площадке, и если бы мне кто-то сказал, что я буду по этому запаху скучать, я бы рассмеялась ему в лицо.

И кровать у меня не такая жёсткая.

Я повела рукой, чтобы потереть глаза, как делала каждое

утро, и замерла на полудвижении.

Рука была не моя. Я даже не знаю, как это объяснить иначе: она выглядела моей примерно так же, как гостиничный номер выглядит домом, — вроде всё на месте, а расслабиться нельзя. Пальцы длиннее, запястье тоньше, и на внутренней его стороне я нащупала большим пальцем тонкий рубец, будто под кожей забыли нитку. Шрам. У меня никогда не было шрама в этом месте. Да и вообще, если честно, только на коленке, с детства, с велосипеда.

Открыла глаза я не сразу.

Потолок был чужой. Высокий, с фресками — воины с мечами, золото, облака, — из тех потолков, на которые смотришь в музее и думаешь «дорого, наверное». Я знала этот потолок. Я видела его на иллюстрациях. И ещё примерно три секунды я честно торговалась с собой: если я сейчас зажмурюсь и сосчитаю до десяти, то открою глаза дома, и будет звонить будильник, и я опоздаю на консультацию, и всё будет скучно и прекрасно.

Сосчитала до десяти. Открыла. Воины остались.

— Ну отлично, — сказала я и села, потому что сидеть с ума лёжа неудобно.

Вот тут и стало по-настоящему страшно. Голос был чужой. Ниже, холоднее, с той самой ноткой человека, которого привыкли слушаться. Такую нотку я слышала у клиентов, которые приходят на терапию по судебному предписанию. Я никогда не думала, что услышу её из собственного рта. Точ-

нее, из этого.

Я психолог. Это важно понимать прямо сейчас, потому что всё, что я сделала дальше, было не паникой, а профессиональной привычкой. Когда человека накрывает большая волна, ему дают за что-то держаться. Желательно за настоящее. Пять вещей, которые видишь. Четыре, которых можешь коснуться. Три, которые слышишь. Я раздавала эту технику столько раз, что могла бы читать её во сне. Пришло время проверить, как она работает изнутри.

Итак, пять вещей, которые я вижу. Балдахин из тёмной ткани, тяжёлой, такие годами собирают пыль. Камин с остывающими углями. Шторы цвета засохшего вина. Серебряный кувшин на столе. Зеркало в полный рост у дальней стены. Хорошее зеркало. Очень не вовремя хорошее.

Четыре, которых касаюсь. Простыня, холодная и гладкая, как бумага. Резной край кровати. Собственные — якобы собственные — волосы, свалившиеся на плечо, неприлично длинные. И всё тот же шрам на запястье, тонкий, как нитка.

Три, которые слышу. Ветер. Угли. И моё дыхание — слишком ровное для человека, который только что проснулся в сказке.

Помогло. Волна отступила ровно настолько, чтобы я смогла встать.

Я поднялась, босиком ступила на пол и постояла посреди комнаты, медленно поворачиваясь. Комната была огромной и при всей роскоши какой-то неживой: мебель, на которую

страшно сесть, книги, которые, похоже, ни разу не открывали, полотенца, сложенные так идеально, что ясно — живой рукой их не трогали. Такие комнаты рисуют в играх про богатых злодеев. Мысль была почти смешной. Почти.

У умывального столика я наклонилась над чашей и сунула пальцы в воду. Ледяная. Я плеснула себе в лицо и посмотрела в маленькое зеркальце над чашей: по чужому бледному лицу бежали капли, дорожили по чужим скулам.

— Так, — сказала я отражению. — Смотрим друг на друга честно.

Большое зеркало приняло меня без восторга. На меня смотрела девушка лет девятнадцати, с тёмно-каштановыми волосами до пояса и серо-зелёными глазами, которые я узнала с тошнотворной отчётливостью. Я знала это лицо. Я, разумеется, знала это лицо. Я смотрела на него на обложках и в фанарте, я ругала его в комментариях и жалела его по ночам — всё в своё время.

Это была Элиана Вальдхорн, злодейка из «Падшей наследницы», истории, которую я знаю почти наизусть. Та, которую в этом мире ненавидят все и которую через шесть месяцев казнят на площади перед дворцом, при всеобщем ликовании. Я помнила это место в книге почти дословно, и теперь стояла перед зеркалом и с какой-то странной ясностью делала простую арифметику.

Шесть месяцев. Примерно сто восемьдесят дней. Это если местный календарь совпадает с тем, к которому я привыкла,

в чём я не была уверена.

Я села на край кровати, потому что стоять, когда тебе сообщают дату твоей казни, как-то слишком театрально. И тогда в голове всплыл следующий вопрос, простой и страшный: а как я вообще здесь оказалась?

Память поднималась неохотно, как со дна.

Тот вечер. За окном лил дождь, из тех, что начинаются утром и к ночи становятся личным оскорблением. Я вернулась позже обычного: перед этим два часа сидела напротив тринадцатилетней девочки, которая рассказывала, как весь класс третий месяц делает вид, что её не существует. У девочки была привычка тянуть себя за рукав свитера, будто она проверяла, на месте ли она сама. Я до сих пор не знаю, что хуже — когда травят, или когда вокруг просто никого нет.

Дома я заварила чай и не выпила его. Села в кресло, открыла на планшете «Падшую наследницу» — не знаю зачем, наверное, так трогают больной зуб. Дочитала до сцены на площади в десятый раз и поймала себя на том, что злюсь на автора по-настоящему, как злятся на живых людей. Все вокруг неё были заняты своими сюжетами. Никто не посмотрел ей в глаза. Никто не спросил, что с ней на самом деле.

«Если бы рядом был хоть один человек, — подумала я тогда, — хоть один, который встал бы между ней и толпой, всё пошло бы иначе».

Потом темнота сгустилась, и я решила, что засыпаю. И в этой темноте кто-то спросил. Не звуком — глубже, будто

вопрос возник прямо в груди, там, где у меня годами жил профессиональный, выученный до косточек сочувственный узел.

«Ты хочешь спасти её?»

Надо было испугаться. Но я так устала за тот день — от девочки с вытянутым рукавом, от собственной взрослой разумной беспомощности, — что ответила не думая, как отвечают, когда терять уже нечего:

— Да.

И темнота захлопнулась, как книга.

Я моргнула. Сидела на краю чужой кровати, и сердце — чужое сердце — стучало ровно, будто знало то, чего не знала я. Вот и весь ответ на вопрос «как». Я согласилась. Я сказала «да» тому, чего не видела и не понимала. В своей практике я всегда говорила клиентам: осторожнее с желаниями, которые произносишь в темноте, — темнота иногда отвечает.

Вот она и ответила.

И тогда пришли воспоминания. Не мои — но пришли они как свои, изнутри, с запахом и болью. Каменный пол под маленькими ладонями. Праздничный смех над головой, так смеются над смешным щенком. Мужской голос: «Встань. Докажи, что ты достойна своего имени». Трещина на костяшке. Встань. Упадёшь. Встань.

Оборвалось — и сразу зацепилось второе: коридор, спина женщины в сером платье, удаляющаяся не оборачиваясь, детская рука, ловящая подол, и сухое, как осень, «не позорь

меня». Женщина не обернулась. Девочка осталась стоять посреди коридора, держа в пальцах воздух.

Я вынырнула из этого на собственном дыхании — раз, два, три, выдох. Так я учила выныривать людей из таких воспоминаний. Я просто не думала, что буду проделывать это с чужим детством. И с девочкой, которая тянула себя за рукав, мы, выходит, были из одного теста. Обе стояли посреди коридора. Обе держали в пальцах воздух.

Вот значит, что здесь выросло, — подумала я. Не злоба и не пресловутое высокомерие. Камень под ладонями и спина матери. И вся история про «злодейку» вдруг стала выглядеть для меня иначе, как меняется картинка, если отойти на два шага назад.

Я не знаю, сколько просидела. За окном посерело, ветер осмелел, и я наконец встала и дёрнула шнур шторы. За стеклом лежало королевство Велмарн ровно таким, каким его рисовали художники: башни дворца в рассветной дымке, сады с подстриженными шарами деревьев, город внизу — дымящий, просыпающийся, живой. На карниз села птица, посмотрела на меня чёрной бусиной глаза и улетела по своим делам. У птицы, по крайней мере, не было никаких сомнений.

— Ладно, Элиана, — сказала я стеклу, в котором бледное лицо лежало поверх крыш чужого города. — Мы с тобой, похоже, застряли вдвоём. Я сказала «да», и теперь это моё «да» имеет вес. Тебя сделали монстром, а монстры не появ-

ляются просто так. У меня шесть месяцев. Я потрачу их на то, чтобы понять, кем ты была на самом деле. А заодно постараюсь не дойти до площади. Желательно в этом порядке.

В шкафу висели ряды тёмных платьев, все такие строгие, будто человек, который их выбирал, давно решил, что радость — не для него. Я взяла самое простое, тёмно-синее, и одевалась почти на ощупь — тело помнило застёжки и шнуровки лучше, чем я. Странное это ощущение, учиться быть собой у собственного тела.

В зеркале теперь стояла не злодейка и не Анна-психолог, а кто-то третий, с кем мне ещё предстояло познакомиться.

— Я не стану той, кем тебя сделали, — пообещала я ей тихо. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Дверь открылась так тихо, что я едва не закричала. На пороге стоял молодой человек в чёрном, с чёлкой, падающей на глаза, и держался он так, как держатся люди, привыкшие занимать как можно меньше места. Это был Рейн, личный слуга Элианы, и, если верить книге, один из немногих, кто останется рядом с ней до самого конца. В оригинале он был похож на мебель с глазами. Сейчас эта мебель стояла передо мной живая, с ниткой серой пыли на рукаве, и смотрела на меня так, как смотрят на плиту, о которую уже обжигались.

— Леди Элиана, — произнёс он едва слышно, глядя куда-то в район моего плеча. — Вы приказали разбудить вас на рассвете. Завтрак подан в малой гостиной. И Лорд Регент ожидает вас после.

Лорд Регент Орис — имя легло в грудь камнем в кармане. Человек, который в этой истории дёргает за нити из-за кулис, и которого мне, если я хочу жить, лучше не разочаровывать как можно дольше.

— Я приду, — сказала я.

Он коротко поклонился, уже начал отступать в коридор, в свою привычную невидимость, — и я вдруг поймала себя на том, что хочу сказать ему что-то человеческое. Просто потому, что за последние часы он был первым живым существом, которое со мной заговорило.

— Спасибо, Рейн, — сказала я.

Он замер. Не поднял глаз, не ответил — только пальцы на подносе сжались чуть сильнее, будто я сказала что-то невозможное. И вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Я постояла ещё немного, слушая тишину. Интересно. Что в этих двух словах было такого, от чего у человека сжались пальцы?

Письмо лежало на столе рядом с кувшином, и я заметила его только теперь: тяжёлый чёрный воск с оттиском ворона на серебряном поле, печать дома Вальдхорн. Я повертела конверт в руках и не стала вскрывать. Некоторые вещи лучше читать на свежую голову. Или хотя бы после завтрака.

Но одно я уже знала точно: мои шесть месяцев начались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.